

Т. С. КАНЕВА
(Сыктывкар)

**«ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ
ДЕРЕВЬЁН, И ВСЕ В ЭТОЙ
ПЕСНЕ ПРОПЕТЫ»:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД УЧЕНЫХ
НА НАРОДНО-ПЕСЕННОЕ
ВИДЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА**

Рецензия на: Калуцков В. Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. — М.: Изд-во ПФОП, 2006. — 212 с.

В 1904 г. Д. К. Зеленин, характеризуя народные высказывания и анекдоты о жителях Вятской губ. [Зеленин 1904], в особый раздел выделил две песни из присловий, называя таковыми прозвища, относящиеся «не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собою географическое или этнографическое целое»¹. В комментарии к переизданию этой статьи в 1994 г. лаконично отмечено: «Песен-дразнилок, состоящих из присловий (в терминологии Зеленина. — Т. К.), довольно много в различных районах России. Они весьма популярны на Русском Севере» [Зеленин 1994, 314].

Действительно, подобные тексты были замечены собирателями и издателями русского песенного фольклора еще в XVIII в. [Чулков 1773] (с. 16), во 2-й пол. XX в. к ним обращались разные исследователи². Однако обобщающие труды, посвященные этому сложному феномену

¹ Цит. по: [Зеленин 1994, 59].

² Кроме рецензируемой работы обзор представлен в работе: [Дранникова 2004, 137—138].

русской традиционной культуры (с. 122), неучтенному песенному жанру [Бахтин 1976], появились лишь спустя практически сто лет после работы Д. К. Зеленина. Имеется в виду два издания: монография Н. В. Дранниковой, вышедшая в свет в 2004 г., и рецензируемая книга. В первой, нацеленной на изучение локально-групповых прозвищ Русского Севера, песни о селениях и их жителях анализируются как разновидность прозвищного фольклора, соответственно в поле внимания исследователя оказались сюжеты «корильных песен о разных по наименованиям деревнях» (курсив мой. — Т. К.) [Дранникова 2004, 139]. Автором выявлено 52 таких севернорусских сюжета в 110 вариантах, они рассмотрены с точки зрения содержания (выделены песни с характеристиками жителей соседних деревень, песни-диалоги о взаимоотношениях полов, песни смешанного типа), структуры (цепевидные песни, сочетающие в своей структуре один или несколько типов нанизывания, и цепевидные песни, состоящие из нескольких самостоятельных частей), функций (размежевание микрогрупп, генетическая связь с обрядовыми формами), а также поэтики [Дранникова 2004, 135—206].

Вторая же из названных книг, подготовленная учеными Московского государственного университета, географом В. Н. Калуцковым и филологом-фольклористом А. А. Ивановой, целиком обращена к исследованию песенного «географически сориентированного фольклора», текстов «с ярко выраженной реальной пространственной компонентой» (с. 15), или географических песен.

Возвращение к термину «географические песни», предложенному Д. К. Зелениным при публикации авторского произведения о странах, городах и их жителях [Зеленин 1904], в целом представляется удачным и достаточно обоснованным (для большинства рассматриваемых текстов). Отказавшись от именовании по

какому-либо одному признаку, характеризующему эти песни (по особенностям текстообразования — песни-присловья, песни-прозвища, песни о прозвищах; по функции — дразнилки, перебранки, кореня, величания; по объекту — о деревнях и других локусах и их жителях/обитателях) авторы «сочли целесообразным вернуться к термину Д. К. Зеленина *географические песни* как более универсальному и онтологически существовавшему. По отношению к нему другие термины и репертуары, ими “покрываемые”, рассматриваются (...) как его частные реализации» (с. 15). Термин «географические песни», по мнению авторов, объединяет, таким образом, песенные «тексты-описания, тексты-оценки определенных культурных ландшафтов», тексты, передающие образное восприятие физического пространства членами этносообществ (с. 16).

Методологической основой рецензируемой работы явилась концепция культурного ландшафта, апробированная авторами в ряде устных выступлений и публикаций, в том числе в коллективном труде, посвященном Пинежью и Поморью [Калуцков и др. 1998]. В первой главе после кратко-го представления места этой концепции в российской науке четко изложено авторское понимание морфологической модели культурного ландшафта, выделены ее основные компоненты (природный ландшафт, сообщество людей, хозяйственная деятельность, селенческо-расселенческая система, язык, духовная культура)³. Сообразуясь со спецификой предмета исследования — географических песен (ГП), которые авторы рассматривают как способ «описания народной (“внутренней”) точки зрения на свой культурный ландшафт и его структурные компоненты», как субъективные интерпретации культурного ландшафта (с. 5) — в центр этой лепестковой схемы помещается сообщество — «исследователь» своего, освоенного и осмысленного, культурного ландшафта (КЛ) (с. 12, рис. 5). В целостности и устойчивости такой конструкции, равно как и в ее удобстве для проведения междисциплинарных исследований (поскольку она «позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от того, ученый какого профиля с ней работает» (с. 12—13)), читателей и убедит рецензируемая книга, в которой ГП последовательно характеризуют-

ся в географическом, этнографическом и фольклористическом аспектах.

Такой разносторонней интерпретации ГП, предложенной в данной книге, предшествовала особая «процедура» — картографическая фиксация топонимической (этнокультурной) информации, содержащейся в песенных текстах (с. 23), или идентификация опетой территории относительно реальной карты местности. Для этого авторами был специально разработан метод территориальной локализации (картографирования). За четко и лаконично изложенной технологией его применения (с. 23—24) просматривается весьма трудоемкая работа, проведенная авторами, и, как представляется, ими обозначены далеко не все «подводные камни», с которыми пришлось столкнуться и которые пришлось преодолевать в процессе изучения песенных КЛ (это, например, диахронические изменения культурно-ландшафтных ситуаций, двойные названия поселений (официальные и народные), иерархические особенности структуры северной деревни и др.).

Подготовленные в ходе территориальной локализации карты песен (в книге приведены в качестве примеров карты к 32 песням) позволили многомерно исследовать топонимическую информацию, заключенную в ГП; в результате она проанализирована по целому ряду географических характеристик, каждая из которых дала свою классификацию материала (глава «Географический аспект междисциплинарного исследования»). Так, по опеваемой территории (по территориальному охвату) выделены песни страновые, региональные, субрегиональные, локальные, многоуровневые; по характеру пространственной организации (конфигурации) топонимического материала — линейные, кольцевые, бессистемные (группы линейных и кольцевых, кроме того, конкретизированы относительно географического объекта-конфигуратора: подорожные, селенческие, уличные, поречные, поозерные и поморские песни); по соотношению центра и периферии — центрированные и нецентрированные; по типу субъекта (автора, лирического героя) — песни, излагающие информацию с внутриландшафтной или с внешнеландшафтной позиции; ГП разделяются также с точки зрения географической однородности/неоднородности (по типам топовов).

Анализ пространственных механизмов и структур, отраженных народной песней, дал исследователям еще один взгляд на ГП, а именно как на тексты, запечатлевшие народное (или народно-песенное) путешествие — «реальный жизненный опыт перемещения в физическом пространстве с определенными целями» или «опыт ментальный, связанный с переживанием, ассоциативной памятью, осмыслением, вплоть до пространственной рефлексии своего опыта перемещения» (с. 46). По наблюдениям авторов, такие «путешествия» могут «совершаться» в ГП в разных культурных пространствах, что соответственно отражается и на типе путешествия: перемещение в естественно-географическом, физическом пространстве (его могут совершать купцы, плотогоны, бурлаки и т. п.) дает внешнее, туристическое видение КЛ в ГП; движение по селениям, точнее, по проживающим в них сообществам (по этнокультурному пространству) выделено как этнокультурное путешествие или внутреннее перемещение по «своему» хорошо известному КЛ (по наблюдениям авторов, это самый распространенный тип песенного народного путешествия (с. 51)); песенные странствия через разные культурно-иерархические уровни пространства названо статусным; перемещение в разных типах пространств обозначено как комплексное путешествие⁴. Как представляется, выделенные квалификации ГП не являются взаимоисключающими. Так, песенное путешествие статусного типа, где наблюдается масштабирование *разных пространств* по принципу «матрешки» (с. 50), может быть названо и комплексным, другое дело, что структура пространства организуется в них по-разному⁵. Стоит также

⁴ Авторами выделено также четвертое пространство — пространство рефлексии, но, к сожалению, оно фактически оставлено без комментария (или примера), говорится лишь, что «в фольклорных текстах оно встречается нечасто» (с. 48).

⁵ Вероятно, ощущение близости этих групп песен-путешествий возникло вследствие определенного сходства текстовых примеров, приведенных для песен со статусным (с. 50) и комплексным (с. 57) путешествиями; это свадебные песни «Нет такого молодца» и «Сыроелью река протекла». И в той, и в другой передан смоделированный песенным творчеством КЛ иерархического типа: столицы страновые (Питер, Москва, Вологда) и региональные (Холмогоры, Ар-

хангельск), топосы административные (уезд, приход) и ландшафтные (озеро, река, море); и в той, и в другой «ступенчатое укрупнение масштаба» (с. 50) приводит к главному герою песни — опеваемому жениху. Возможно, расширение круга примеров сняло бы подобное ощущение похожести текстов (групп). Попутно замечу, что поскольку в данной главе даны разного рода квалификации ГП, хотелось бы более полно представлять состав групп, тогда как характеристики разных подгрупп построены на анализе одной-двух конкретных песен; недостаток примеров можно было восполнить отсылками к соответствующим текстам, помещенным в Приложение.

Этнографический аспект исследования ГП базируется на представлении о том, что они могут служить решению сложнейшей задачи определения внутриэтнических границ (границ микрогрупп или локальных групп). Посредством идентификационных и самоидентификационных установок, содержащихся в ГП, «группа людей осознает свою идентичность (одинаковость и единство) и отделяет себя от чужих» (с. 77). На примере локальной группы жителей Пинежского р-на Архангельской обл., изучением КЛ которого авторы занимаются более 20 лет, представлена модель этнической стратификации, включающей по принципу «матрешки» страты разного объема: локальную, сублокальную, межселенческую, селенческую, субселенческую, семейно-родовую группы; каждая из них проанализирована в особом разделе. И хотя не все из них нашли непосредственное отражение в ГП, собранных на Пинежье, это не позволяет сомневаться в выводах, к которым пришли исследователи, выделив, как представляется, существенные характеристики ГП как способа описания, хранения и межпоколенной трансмиссии этнически значимой информации, «ста-

хангельск), топосы административные (уезд, приход) и ландшафтные (озеро, река, море); и в той, и в другой «ступенчатое укрупнение масштаба» (с. 50) приводит к главному герою песни — опеваемому жениху. Возможно, расширение круга примеров сняло бы подобное ощущение похожести текстов (групп). Попутно замечу, что поскольку в данной главе даны разного рода квалификации ГП, хотелось бы более полно представлять состав групп, тогда как характеристики разных подгрупп построены на анализе одной-двух конкретных песен; недостаток примеров можно было восполнить отсылками к соответствующим текстам, помещенным в Приложение.

билизации этносообществ, их мировоззренческих и поведенческих стереотипов и нормативных установок...» (с. 83).

Результаты изучения пинежских ГП в этнографическом аспекте, продемонстрированные в монографии, могут послужить надежным примером для оценки этнокультурных карт других регионов. В этом отношении очень важно обратить внимание на те предостережения, которые авторы высказывают в одном из разделов «этнографической» главы: «фольклорная реальность (...) не равна бытовой» (с. 77), и не всегда прозвища-присловья, составляющие текст ГП, передают реальные исключительные характеристики конкретной группы людей. Вариативность толкований прозвищ в немалой мере зависит от степени экспрессивности, позиции опевающего (внутренняя или внешняя) и др., отмечено: «Топосы и прозвища образуют две самостоятельные системы, корреспондирующие друг другу, но жестко не фиксирующие эту связь. Открепление признака от объекта с последующим наделением первого культурными символическими смыслами – обычная операция при художественной категоризации действительности» (с. 79).

Глава «Фольклористический аспект междисциплинарного исследования», по сути, обращена к решению того сложнейшего вопроса, который можно считать основным в оценке традиционной фольклористики ГП: об их жанровых особенностях и — в конечном счете — об их жанровом статусе. Пестрота исполнительских «квалификаций», близость к непесенным высказываниям о сельских сообществах (прозвищам, присловьям), высокая степень влияния на текст ситуативного контекста послужили тому, что песни о культурных локусах и их жителях неоднозначно соотносятся с жанровой парадигмой русского песенного фольклора.

Фольклористическое исследование ГП, представленное в этой части монографии, разворачивается на оси сопряженных понятий, являющихся основополагающими при оценке и характеристике фольклорных явлений: текст — контекст. Продемонстрированные в монографии черты зависимости ГП от вербальных (жанрового и межжанрового) и невербальных (ситуативных и культурных) контекстов, механизмы текстообразования

128 ГП представляют очень большой интерес,

заставляя задумываться о законах функционирования текстов в фольклорной традиции.

Глава открывается разделом «Народная терминология». В исполнительских определениях ГП отмечены разные их черты: принадлежность песенному фольклору (производные от корня пе-: припевать, опевать, упевать и др.), функциональность (дразнить, протаскивать, хвалить и др.), особенности текстообразования (перебирать, перепеть, частушка и др.), сфера/ситуация бытования (свадебная) и т. д. В работе не приводятся наблюдения по поводу степени популярности того или иного «термина», но уже в самом перечне приведенных оценок-определений обращает на себя внимание превалирование глагольных (а не номинативных или определительных) форм. Это обстоятельство усиливает представление об определенной жанровой «несамостоятельности» и неоднородности ГП, образующих, по выводам ученых, «метажанровую систему» (с. 86). Такая трактовка ГП сложилась у авторов вследствие признания их «жанровой мимикрии»: ГП бытуют в двух формах — как географический спев и как контаминация с фрагментами текстов других жанров; «соединяясь с разными жанрами, географические спевы невольно приобретают ряд черт, присущих им» (с. 98).

Как следует из тонких наблюдений авторов, коллективное прозвище, сформировавшее большинство ГП, может «прорасти» в разных жанровых формах: паремийных, нарративных, музыкально-поэтических. «При формировании географической песни из прозвищного полижанрового ряда заимствуется коллективное прозвище» (с. 99), оно становится основой географического спева (комбинации из самодостаточных фольклорных текстов⁶, (с. 98)). «Дальнейший шаг — наделение географического спева определенным жанровым статусом», что обуславливается коммуникативным кон-

⁶ Авторами выделено 3 разновидности паратактической модели, лежащей в основе текстообразования географического спева: а) нанизывание композиционных фрагментов путем их соположения (используется в большинстве текстов ГП); б) кумуляция (тематический или «эстафетный» принцип), редко встречающийся тип; в) ступенчатое сужение образа (характерно для спевов, включенных в состав свадебных величаний и былин) (с. 119—120).

текстом (игровым, обрядовым, промысловым) и мелодическим строем (с. 100). «Дополнительным жанровым показателем может стать частичное цитирование текста, «жанровую личину» которого пытается «обрести» географический спев. В этом случае мы уже имеем дело с контаминированной версией» (с. 100), под которой имеется в виду соединение географического спева с текстами других жанров; авторами выявлены такие соединения со свадебными (величальными и корильными), игровыми, плясовыми песнями, небылицами и былинами.

Как представляется, тексты контаминированного типа в зависимости от места (доли и значимости, от степени «географичности», характера включенности) географического спева занимают наиболее сложное положение на пограничье «географически сориентированного» (с. 15) и «негеографического» фольклора. Например, остается открытым вопрос: считать, к примеру, варианты свадебного величания с зачином «Января/марта/сентября перва месяца» или «На горы на высокие...» (сюжет типа «молодец перед зеркалом расчесывает волосы») песнями географическими (см. с. 87), свадебно-географическими или свадебными с включением текстов (мотивов) географического (топографического, культурно-ландшафтного) типа? В них, безусловно, передается образное восприятие физического пространства членами этносообщества (с. 16), особенно в тех вариантах, где географический ряд выглядит наиболее полным и может включать до 7 (с. 89) или 8 единиц⁷, соположенных по принципу статусного масштабирования (с. 50) или ступенчатого сужения образа (с. 120), но песня при этом выполняет функцию величания жениху⁸ и — что немаловажно — останется таковым и без географического включения.

Возможно, в этом, как и в некоторых других конкретных случаях, более актуальными, нежели жанрово-термино-

⁷ «Да во городе было Архангельске, // Да во уезде во Мезенского, // Да во правленьи Лешуконского, // Да в сельсовете Ценогорского, // Да во деревне Белошельского, // Да в Верхнеконском околодочке, // Да по переднему рядочку, // Да у Василия во горнице...» [ЛРС № 139]. Перечень близких вариантов см.: [РС, 331—332, 352—353].

⁸ Или жениху и невесте (Приложение, № 236, 24а и др.).

логический, являются вопросы путей порождения вариативности, межжанровых связей, локально-региональных особенностей фольклорных текстов и др. В связи с последним хотелось бы обратить внимание на схему распределения сюжетов географических песен по регионам (с. 21, рис. 7), по которой ведущую позицию занимает Архангельская обл., а также на то, что разворачивание «географического текста», в частности, в отдельных свадебных песнях («Сыроелю река протекла», «Января перва месяца» и др.), известных в разных областях, происходит в основном также в архангельских вариантах⁹. Такое «укрупнение» географического компонента может происходить не только за счет внутренних «резервов» самой песни (с. 89), но и благодаря местному конситуативному «фоновому фольклорному материалу» (с. 79). В этом смысле разыскания на материале конкретных традиций могут стать почвой для дальнейшего анализа¹⁰. Кроме того, некоторые спорные вопросы границ и жанрового статуса (или «облика») ГП, которые аргументированно рассматриваются авторами «как явление вторичное и метажанровое» по отношению к основной фольклорной жанровой парадигме (с. 123), мог бы прояснить этномузыковедческий аспект заявленного данной монографией исследования, объективно выходящий за рамки профессиональной компетенции авторов.

Еще одной важной составляющей рецензируемого труда стало Приложение. Его составили 128 географических песен, 29 из них опубликованы здесь впервые.

⁹ В плане характеристики локально-региональных особенностей ГП очень интересны также примеры колыбельных географических песен из Костромской обл. (Приложение, №№ 52—54), оставленные, к сожалению, без комментария в исследовательской части книги.

¹⁰ Например, ср. текст, приведенный в сноске № 15, с текстом диалога приезде жениха за невестой, зафиксированным на близкой территории: «Следуют вопросы из избы (...) в таком порядке: Что вы за люди? (...) Зачем пришли? (...) Какой земли? — *Российской*. Какого царя? — *Белаго*. Как его зовут и прозывают? (...) Деточки? (...) Где *столица*? — *В Питинбруги*. Какой вы веры? (...) Какой вы *губернии*? — *Архангельской*. Какого *уезда*? — *Мезенскаго*. *Волости и селения*? — *Усть-Цилемскаго* (курсив мой — *Т. К.*). Далее следуют вопросы, как зовут жениха, отца его...» [Максимов 1858, 61].

Тексты сгруппированы по территориальному принципу, внутри территориальных групп — по «сюжетам» (кавычки авторов (с. 124, сноска 2)); «сюжетная» систематизация выполнена на основе перечислительных рядов селений и проживающих в них социумов, а также даваемых им характеристик и формульных реализаций последних. Приложение имеет самостоятельное значение, являя собой солидный корпус текстов, выявленных в публикациях или (большей частью) записанных авторами. Остается только сожалеть, что в него не вошли тексты, представленные в основной части книги (это еще 37 песен); возможно, это связано с ограничениями в объеме издания. Рассредоточенность текстов не дает возможности в полной мере познакомиться с локальными репертуарами ГП; этот небольшой недостаток могли бы восполнить отсылки в Приложении к тем страницам (или разделам) книги, где помещены песенные тексты, не включенные в него.

В целом можно без преувеличения оценить книгу «Географические песни в традиционном культурном ландшафте России» как современное междисциплинарное исследование, выполненное на основе весьма репрезентативной текстовой базы (165 текстов/240 вариантов из 19 регионов), сложившейся у авторов в результате источниковедческой и собирательской работы, которую они интенсивно и плодотворно осуществляют на протяжении многих лет. Интереснейшие наблюдения, которыми насыщена книга, подкреплены богатым иллюстративным материалом в виде схем, карт, таблиц, сопоставительных рядов. Методология и комплекс примененных авторами методов исследования сформировались, очевидно, еще на этапе полевого сбора материала, иначе он не позволил бы прийти к тем четким суждениям и выводам, которые изложены в «рамочных» позициях каждой главы и в заключении. Вообще за шлифованностью определений и итогов чувствуется не просто прочность авторских позиций, но и опыт преподавательской деятельности, каковым обладают А. А. Иванова и В. Н. Калуцков, желание и умение стройно и обоснованно донести свои идеи.

В заключение остается поздравить авторов (хотя и с некоторым запозданием) с состоявшейся монографией и высказать

огромное сожаление о том, что эта книга вышла в свет мизерным тиражом (100 экз.). Это делает ее труднодоступной для специалистов (просто читателей) и тем самым ограничивает возможности использования изложенных в монографии полезнейших наработок в собирательской работе и в исследованиях конкретных разномасштабных культурных ландшафтов России (от региональных до микролокальных), а эту работу необходимо продолжать, чтобы получить рельефную картину этнокультурного пространства нашей страны.

Литература

Бахтин 1976 — *Бахтин В. С.* Один из неучтенных песенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве) // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Л., 1976. Т. 16. С. 227—237.

Дранникова 2004 — *Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Зеленин 1904 — *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // *Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год.* Вятка, 1904. Отд. 2. С. 1—51.

Зеленин 1904а — *Зеленин Д. К.* Географическая песня // *Вестник воспитания.* 1904. № 4.

Зеленин 1994 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913 / вступ. ст. Н. И. Толстого; сост. А. Л. Топоркова; подгот. текста Т. А. Агапкиной; коммент. Т. А. Агапкиной, Л. Н. Виноградовой, В. И. Харитоновой. М., 1994.

Иванова 2002 — *Иванова А. А.* Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации комплексных полевых исследований // *Актуальные проблемы полевой фольклористики.* М., 2002. Вып. 1. С. 6—13.

Калуцков и др. 1998 — *Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А. и др.* Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. М., 1998.

ЛРС — *Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова.* Л., 1973.

Максимов 1858 — *Поездка на Печору С. Максимова // Морской сборник.* 1858. № 1.

РС — *Русская свадьба: в 2 т.* М., 2001. Т. 2.

Чулков 1773 — *Собрание разных песен М. Д. Чулкова.* СПб., 1773.